

В. В. Горбань, М. Н. Грибкова
(Одесса)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ПАРТОНИМОМ *ГОЛОВА* В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Статтю присвячено фразеологізмам як лінгвосеміотичним феноменам. Розглянуто частину фразеосистеми з партонімом *голова*, описано особливості фразеосистем в російській і польській мовах.

Ключові слова: фразеосистема, антропоцентричність, лінгвосеміотичний феномен, фразеологічна картина світу, соматизм.

The article is devoted to phraseological units as linguistic-and-semiotic phenomena. The somatism (body-part term) *head* as part of the phraseological system is dealt with, peculiarities of phraseological systems in the Russian and Polish languages are described.

Key words: phraseological system, anthropocentrism, linguistic-and-semiotic phenomenon, phraseological view of the world, somatism (body-part terminology).

Одно из ведущих направлений современной лингвистики – сопоставительное изучение языков. „Рост интереса к сопоставительным исследованиям в последнее время связан, как представляется, со следующими причинами: потребностью выявления универсальных черт языкового материала; стремлением описать национальную картину мира носителей разных языков; интересом к изучению национальной специфики семантики и к специфике языкового мышления; расширением сферы преподавания иностранных языков; необходимостью совершенствования двуязычных словарей, где указываются национально-специфические черты семантики переводных соответствий” [13, 16].

Национальную картину мира следует рассматривать, по справедливому замечанию В. фон Гумбольдта, не как „результат длительного исторического развития, а как изначально данное свойство языков: люди с помощью языка создают свой особый мир, отличный от того, который их окружает, – субъективный образ объективного мира” [6, 38]. Причем миры, в которых живут народы, – это разные миры, а „вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками” [7, 104].

Этноспецифический способ познания мира интересно проследить, обратившись к фразеосистеме, потому что ведущим ее принципом считается антропометричность. Как справедливо утверждал Ш. Балли, „извечное несовершенство человеческого разума проявляется также и в том, что человек всегда стремится одухотворить то, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва и бездушна; его воображение постоянно наделяет жизнью неодушевленные предметы, но это ещё не всё: человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности” [1, 221]. Все вышесказанное относится прежде всего к фразеологизмам с соматическим компонентом. Вот почему А. Д. Шмелев и Т. В. Булыгина, ссылаясь на мнение Павла Флоренского, считают, что язык видит уникальность человека не столько в его интеллектуальных и душевных качествах, сколько в особенностях его строения и в функциях частей тела, которые неразрывно связаны с этими качествами [3, 523–525]. Более того, части тела иногда возводят в абсолюты. Так, Р. Ленекер одной из базовых концептосфер сознания считает человеческое тело, обозначение частей которого используется как наименования других концептосфер [11, 83].

Интерес исследователей к этой группе лексики определяется тем, что процесс осознания себя как личности человек начал с ощущений, которые возникают непосредственно через органы чувств и части его собственного тела. „Человек эгоцентричен, он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию”, – пишет В. Г. Гак в одной из своих работ [5, 702].

Ориентация в пространстве и времени, выражение субъективной оценки – все это человек постигал постепенно, но всегда с помощью окружающих его „инструментов” познания – частей тела. При этом человеческое тело оказалось одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектом, и слова, обозначающие части тела человека, так же древни, как и само человеческое сознание [2, 19].

Соматическая фразеология – это одна из обширных и продуктивных групп в корпусе фразеологии, которая, по подсчетам В. П. Шубиной, составляет около 15 % фразеологического фонда языка [15, 87], а по мнению Р. М. Вайнтрауба, – 30% [4, 162].

Обилие соматических фразеологизмов в разных языках естественно, так как „соматические лексемы, входящие в их состав, обладают высокой способностью метафоризироваться” [9, 106]. Б. С. Данилов и Н. В. Куницкая также указывают на то, что „образование соматических фразеологических единиц на основе метафорического или метонимического переноса является наиболее продуктивным фактором их появления” [8, 83]. Это связано с тем, что при назывании нового объекта у человека возникает ассоциация прежде всего с тем, что ему хорошо знакомо. В первую очередь человек сравнивает окружающие предметы с самим собой, с частями своего тела: „Благодаря тому, что части тела постоянно находятся перед глазами, они и становятся своеобразными эталонами для сравнения”, – делает вывод Т. Н. Чайко [14, 104].

Тем более интересным представляется рассмотрение соматических фразеологизмов в сравнительном аспекте.

Цель нашей статьи: рассмотреть ФЕ с партономимом „голова” в русском и польском языках. Мы обратили внимание на эту часть тела, потому что в картине мира ей отводится важная роль. В антропоморфной картине вселенной „человек и космос – едины человек и космос – едины и в точности повторяют друг друга. Вселенная мыслится как человек-великан, <...> человеческое тело – микрокосм, малая Вселенная <...>, ср.: лат. *vir*, гот. *wair* „человек”, д.-англ. *weor* „Вселенная” <...>. Согласно антропоморфной модели космоса, ногам человека соответствуют корни „Мирового дерева”,

туловищу и внутренним органам – ствол „Мирового дерева”, а голове – крона дерева” [10, 116–117].

В антропоморфной модели Вселенной *голова* считалась центром деторождения, в связи с чем слова со значением „разум, понимание, ум” соотносятся со словами, имеющим значение „родить” <...> Интересна следующая цепочка семасиологических связей: „голова > солнце > небо > вода > огонь > земля > рука > женщина” („мать”, букв. „рождающая”) [10, 122]. Как видим, данные, приведенные М. М. Маковским в его „Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках”, содержат весьма любопытную информацию: в ментальности древних людей *голова* ассоциировалась не только с тем, что вверху, но и со всеми стихиями, которые являются первоосновой Вселенной, а также с процессом творения (ср. *мысль родилась, идея родилась, родилось стихотворение*).

Голова – это еще и символ святости. Ср. лат. *caput* „голова”, но др.-русс. *капъ* „идол, объект поклонения и святости” [10, 118]. Благодаря такому восприятию головы возникли фразеологизмы *золотая голова, всему голова* (что-л. важное). Подобные фразеологизмы существуют во многих языках, что является подтверждением предложенной идеи. Если рассматривать семантику ФЕ с исследуемым партономимом, то максимальное количество фразеологизмов характеризует умственные способности человека, что вполне естественно, т.к. второй ЛСВ лексемы *голова* – „перен. ум, сознание; рассудок” [МАС, 325]. Во фразеологизмах с компонентом *голова* передается метафорическое значение „умный” и соотносится с оборотами *светлая голова* – „1. Очень умный, ясно, логично мыслящий человек; 2. Кто-либо ясно, четко, логично мыслит” [ФСРЯ, 113]; *с царем в голове* – „очень умен, смышлен, сообразителен” [ФСРЯ, 512]; *не без царя в голове* – „очень умен, смышлен, сообразителен” [ФСРЯ, 513]; *иметь голову на плечах* – „быть умным, рассудительным, сообразительным” [ФСРЯ, 185]; *голова на плечах* – „кто-либо умен, сообразителен” [ФСРЯ, 112]; *с головой (башкой)* – „1. Очень умный, способный” [ФСРЯ, 113]; *голова (котелок) варит* – „кто-либо сообразителен, догадлив, понятлив” [ФСРЯ, 111].

В польской ментальности, так же как и в русской, голова понимается как наличие ума, умственных способностей. Во фразеологизмах с компонентом *głowa* передается значение „умный”, „мудрый”: *mieć dobrze (poukładane) w głowie* „быть умным, мудрым, рассудительным”; *z głową* „о человеке умном, способном”; *mieć wszystkie klepki w głowie* „быть рассудительным, здравомыслящим” [MS].

В русском языке для обозначения ума употребляются ФЕ с другими соматическими компонентами: *семи пядей во лбу* – „очень умный, мудрый, выдающийся” [ФСРЯ, 373]. Об уме человека без употребления соматизма говорится во фразеологизмах: *хватать звезды с неба* – „1. отличаться выдающимися способностями, дарованием” [ФСРЯ, 504], *ума палата* – „кто-либо очень умен” [ФСРЯ, 308]. Все остальные используют соматизмы, причем подавляющее большинство (80%) фразеологизмов имеют компонент *голова*. Следует отметить, что в данных фразеологизмах представлена вариативность. Вместо слова *голова* могут употребляться другие слова в этом же значении: *котелок*, *башка*, не относящиеся к литературному языку. Здесь происходит замена компонентов: *с головой (с башкой)*, *голова (котелок) варит*. Отметим, что метафорический перенос наименования посуды на эту часть тела наблюдается в разных индоевропейских языках. В сербском языке голова также ассоциируется с котелком: *кликери ми ради* „котелок работает”; ассоциирование наблюдается и с половником, решетом. С решетом ассоциируется голова и у англичан, русских, украинцев, чехов и др. В болгарском языке фразеологизм *дървена чутура* („ступка”) характеризует глупого человека. В итальянском и французском языках голова обозначается словами *testa* и *tête*, которые восходят к латинскому *testa* „горшок”. Немецкое *Kopf* этимологически родственно английскому *cup* „чашка”.

Голова может ассоциироваться и с предметом большего размера, чем посуда. В сербском языке – это шкаф, пивная бочка. С бочкой наблюдается ассоциация и в польском: *mieć wszystkie klepki w głowie*. Такая же метафора существует в украинском языке, но для обозначения глупого человека: *нема клепки в голові, без третьої*

(сьомої) клепки в голові, розсохлися клепки. Подобный образ создается русской ФЕ *винтиков (винтика) не хватает в голове* – „прост. о глупом, странном человеке”. Голова, являясь вместилищем, может быть наполнена разным содержанием. Если это масло – то так характеризуется умный человек: *mieć olej w głowie* (ср. укр. *мати олію (лій, смалець, діал. олій) у голові*).

В сербском языке умный человек характеризуется ФЕ *има соли у глави*. Как известно, без масла и соли еды не приготовишь, т.е. ничего не сотворишь. Здесь прослеживается связь с мифологической символикой, о которой было сказано выше. Если в голове уже готовый продукт – каша, то это говорит о неясности мышления, путаности. Если *голова соломой набита* или *половой* – то перед нами глупый, бестолковый человек, в польском же языке *mieć siano w głowie* означает „быть легкомысленным”. С этим же значением употребляется и *mieć źle, niedobrze w głowie*. Несерьезность, легкомыслие передается при употреблении слова „ветер” и различных зоонимов: *ветер в голове (бродит, свистит, гуляет, ходит), тараканы в голове (бегают)* (ср. укр. *цвіркуни тріщать у голові, горобці цвірінькають у голові, зайчики у голові стрибають*).

Антонимическое значение „глупый” в русских ФЕ представлено очень широко на основании метонимизации соматического компонента и метафорического содержания его дистрибуции: *дубовая голова* – „тупой, бестолковый человек” [ФСРЛЯ, 137]; *без царя в голове* – „очень глуп, недалек” [ФСРЯ, 513]; *голова садовая (прост.)* – „несообразительный, нерасторопный, неловкий человек” [ФСРЯ, 112]; *голова соломой набита (прост.)* – „кто-либо глуп, бестолков, несообразителен” [ФСРЯ, 112]; *дурья голова (башка)* – „тупой, бестолковый человек; тупица” [ФСРЯ, 112]; *мякинная голова (башка) (прост.)* – „глупый человек, дурак” [ФСРЯ, 112]; *пустая голова (башка)* – „1. Глупый человек” [ФСРЯ, 113]; *посконная голова (прост.)* – „глупый человек” [ФСРЛЯ, 138]; *чугунная голова (прост., презр.)* – „глупый человек, тугодум” [ФСРЛЯ, 135]; *голова и два уха (прост., пренебр.)* – „недалекий, недогадливый человек” [ФСРЛЯ, 136].

В польском языке также представлено немалое количество фразем с компонентом *голова*, которые передают значение „глупый”:

barania (kapuściana, ośla, pusta) głowa „о человеке умственно ограниченном, тупом”; *bezglowy* „недогадливый, глупый человек”; *nie mieć wszystkich klepek w głowie* „быть глупым”; *tępa głowa* „о человеке ограниченном умственно, неспособном”; *nie mieć rozumu w głowie* „быть глупым” [MS]. Следует отметить, что всего в одном из представленных фразеологизмов наблюдается явление вариативности. Вместо слова *barania* могут употребляться другие определения: *kapuściana, ośla, pusta*.

С другим соматическим компонентом указывает на человека глупого фразеологизм *медный лоб* „ограниченный человек; тупица” [ФСРЯ, 230]. Синонимическими фразеологизмами со значением „глупый” являются фразеологические обороты без соматического компонента: *дубина стоеросовая (груб.-прост.)* „очень глупый человек; тупица, дурак, болван” [ФСРЯ, 146]; *дурак набитый, дура набитая (прост.)* „очень глупый, тупой человек” [ФСРЯ, 147]; *отпетый дурак, отпетая дура (устар.)* „очень тупой, глупый человек” [ФСРЯ, 147]; *олух царя небесного (прост.)* „очень глупый человек; тупица, дурак, болван” [ФСРЯ, 296]. Только в четырех фразеологизмах, указывающих на человека глупого, не используются соматизмы, а в остальных же оборотах (60%) присутствует соматический компонент *голова*.

Эти фразеологизмы демонстрируют восприятие этносом глупого, несообразительного человека на основе метонимизации функций соматизма *голова*. Как и ранее рассмотренная группа, фразеологизмы, дающие негативную оценку умственным способностям человека, относятся к различным стилям, причем преобладает не-литературный. К тому же очень часто словари дают к ним пометы „презрит.”, „неодобрит.”, которые говорят об отношении русского этноса к глупым людям. В этой группе, как и в предыдущей, также представлена вариативность: варьируются названия денотата (*голова / башка*), а также субъекта (*дура / дурак*).

Широкий семантический спектр свойствен ФЕ для обозначения психоэмоциональных состояний. Растерянность, потрясение, неожиданность, переживание ассоциируются с круговыми движениями, ударом по голове: *голова идет (ходит) кругом* „2. Кто-ли-

бо теряет способность ясно соображать от множества дел, забот, переживаний” [ФСРЯ, 112]; *голова кружится* „2. Кто-либо теряет способность ясно соображать от множества дел, забот, переживаний” [ФСРЯ, 112]; *голова горит* „кто-либо взволнован, возбужден, взвинчен” [ФСРЯ, 111]; *как (будто, словно, точно) снег на голову* „совершенно неожиданно, внезапно (появляться, прибывать, являться)” [ФСРЯ, 441]; *ударять (бить) как (будто, словно, точно) обухом по голове* „неожиданно, внезапно поражать, ошеломлять” [ФСРЯ, 490].

С такими же значениями выделяются фразеологизмы без соматического компонента: *сбивать с панталыку* „приводить в замешательство, в растерянность, в заблуждение кого-либо” [ФСРЯ, 557]; *сбивать с пахвей (устар.)* „приводить в замешательство, запутывать, вызывать состояние растерянности” [ФСРЯ, 557]; *сбивать с толку* „приводить в замешательство, в растерянность, в заблуждение кого-либо” [ФСРЯ, 557]. Возбуждение вызывает аналогию с движением крови в голове: *кровь бросилась (кинулась, ударила) в голову* „кто-либо пришел в исступление, сильное возбуждение” [ФСРЯ, 213]. В некоторых фразеологизмах данного типа представлена вариативность: вместо союза *как* употребляются другие союзы (*будто, словно, точно*); но чаще всего вариативным изменениям подвергаются глаголы: вместо *идет* используется глагол *ходит*, вместо глагола *ударять* – глагол *бить*, вместо глагола *бросилась* – глаголы *кинулась, ударила*. Это вполне логично, так как для человека очень важна любая деятельность, то слова процессуального значения чаще всего варьируются.

Значения „печалиться, тосковать, приходить в уныние, отчаяние” передаются фразеологизмами *вешать голову, посыпать голову пеплом, рвать волосы на голове, биться головой об стену, хвататься за голову*. В польском же языке психоэмоциональные состояния передаются следующими ФЕ: *dostać obuchem w głowę, krew uderzyła komuś do głowy, rwać włosy z głowy, złapać się za głowę*.

К сожалению, объем статьи не позволяет проанализировать все ФЕ с партоном „голова”. Поэтому рассмотрим еще одну группу, описывающую то качество человека, которое было невероятно важ-

но в древности, т.к. от него зависела жизнь человека и его соплеменников. Значение „смелый человек” передается оборотами: *забубенная голова (головушка)* „разгульный, бесшабашный, отчаянный человек” [ФСРЯ, 112]; *бедовая голова (головушка) (прост.)* „отчаянный, смелый человек” [ФСРЯ, 111]; *буйная голова (головушка)* „удалой, бесшабашный человек” [ФСРЯ, 111]; *отпетая голова (прост.)* „буйный, отчаянный человек” [ФСРЯ, 138]; *отчаянная голова (разг.)* „безрассудно смелый человек” [ФСРЛЯ, 138]; *шальная голова (прост.)* „безрассудный, взбалмошный, сумасбродный человек” [ФСРЛЯ, 139]; *о двух головах (устар.)* „неосмотрительно смелый, рискующий жизнью человек; смельчак, лихач” [ФСРЛЯ, 139]. Мы видим, что данные фразеологизмы (около 90%) с компонентом *голова* указывает на человека смелого, и только один оборот в этом значении употребляется без соматизма: *на ходу подметки рвет (режет)* „чрезвычайно находчив, изворотлив, смел, ловок в своих делах, поступках” [ФСРЛЯ, 387]. При этом на первое место выходит сема „находчивость”.

В польском же языке значение „смелый человек” передается фразеологизмами *bić, tłuc, walić głowę (łbem) w mur (w ścianę)* – „быть очень смелым, бороться с трудностями до конца”; *podnieść głowę* – „набраться смелости, чувствовать себя уверенней” [MS]. В первом фразеологизме представлена вариативность. Вместо компонента *głowa* может употребляться другой соматический компонент *leb*, вместо слова *mur* употребляется слово *ściana*. Как видим, в русской фразеосистеме сема „смелость” дополняется коннотативной семой „интенсивность”.

Подводя итоги, следует заметить, что большая часть проанализированных нами ФЕ тождественна или очень близка. Это объясняется тем, что „факты материальной и духовной жизни народов получают в разных языках независимо друг от друга одинаковое переосмысление. Совпадение образности объясняется в первую очередь действием универсальных экстралингвистических стимулов” [13, 28].

К тому же следует помнить и об общем языке-источнике. Однако очень часто тождество оказывается мнимым: при полном формальном единстве ФЕ различаются набором денотативных сем,

своей коннотацией, синтагматическими возможностями, а также сферой употребления. Это позволяет сделать вывод о том, что универсальность логико-мыслительных процессов у человека не может нивелировать национальную самобытность.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика: [учебное пособие] / Ш. Балли. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 240 с.
2. Бердникова Т. А. Лексико-фразеологическое поле соматизмов (на материале архангельских говоров) : Автореф. дис. на соискание научной степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 „Русский язык” / Т. А. Бердникова. – М., 2000. – 19 с.
3. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. – М. : Наука, 1997. – 367 с.
4. Вайнтрауб Р. М. Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках / Р. М. Вайнтрауб // Труды Самаркандского ун-та. Вопросы фразеологии. – 1975. – Вып. 288. – № 9. – С.162–170.
5. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. – М. : Международные отношения, 1998. – 412 с.
6. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 351 с.
7. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – С. 102–111.
8. Данилов В. С. Образование соматических фразеологизмов на основе семантических сдвигов составляющих компонентов // Современные проблемы романистики: функциональная семантика. – Т. 1 : [монография] / В. С. Данилов, Н. В. Куницкая. – Калинин : Калининский гос. ун-т, 1986. – С. 83–85.
9. Куницкая Н. В. Функционально-семантическая динамика соматических лексем в составе фразеологических единиц / Н. В. Куницкая, В. Ф. Мельник, В. С. Данилов // Дериватология и динамика в романских и германских языках. – Кишинев : Штиинца, 1989. – С. 48–55.
10. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

11. Селіванова О. О. Концептуалізація соматичного коду культури в українських фразеологізмах // Нариси з української фразеології : [монографія] / О. О. Селіванова. – Київ – Черкаси : Брама, 2004. – С. 83–125.
12. Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения / Э. М. Солодухо. – Москва : Издательств ЛКИ, 2008. – 304 с.
13. Стернина М. А. Параметрический метод сопоставительных исследований / М. А. Стернина // Мова. – Одесса : Астропринт, 2009, – С. 16–19.
14. Чайко Т. Н. Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной и ономастической лексике // Вопросы ономастики. № 8–9. – Свердловск, 1974. – С. 98–106.
15. Шубина В. П. Заметки о полевой организации соматической фразеологии в немецком языке / В. П. Шубина // Функциональная система немецкого языка. – Челябинск, 1977. – С. 81–89.

Список сокращенных наименований источников

1. ФСРЯ – Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка: [словарь] / А. И. Молотков. – М. : Русский язык, 1986. – 538 с.
2. ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка: [словарь] / сост. А. И. Федоров. – М. : ООО „Фирма „Издательство АСТ”, 2001. – 720 с.
3. MS – Multimedialny słownik frazeologiczny języka polskiego PWN, 2008.